

Старая госпожа прожила долгую жизнь и видела многое. Пообщавшись с Сюэ Цюном всего пару раз, она насквозь увидела его мелочную и корыстную натуру. Старушка органически не переваривала таких детей: в присутствии Сюэ Цюна она намеренно держалась строго, свысока и никогда не показывала доброго расположения. Зато к Лу Цзыяо привязалась всей душой. И Лу Цзыяо в полной мере заслуживал её любви.

В прошлой жизни Лу Цзыяо рос практически сиротой, поэтому расцветал от малейшего лучика тепла. Стоило кому-то проявить к нему хоть каплю доброты, как он жаждал отплатить сторицей. Даже если его наивность и детское простодушие были лишь притворством, его доброе сердце, почтительность и благодарность были самыми настоящими. К тому же он отличался сладким языком, умел подбирать слова и всегда берег чужое самолюбие. Даже старый господин, который отродясь не ласкал внуков, проникся к нему всё большей симпатией.

Особенно после того случая, когда Лу Цзыяо «нечаянно» дал ему дельный совет по поводу управляющих в поместьях. Старый господин неосознанно стал считать Лу Цзыяо своей маленькой счастливой звездой и всегда радовался его приходу.

Две самые влиятельные фигуры в резиденции Сюэ благоволили Лу Цзыяо. Сюэ Цюн не смел тревожить старую госпожу, но и уйти ни с чем не желал.

Госпожа Чэнь подозревала, что Лу Цзыяо прибег к какому-то темному колдовству — ведь его характер и умище изменились так, словно человека подменили. Втайне она велела слугам пристально следить за Лу Цзыяо.

Сюэ Цюн усерднее всех шпионил за ним. В течение последних двух недель он часто чувствовал странный запах гари во дворе, и, идя на этот запах, понял, что дым доносится из комнаты Лу Цзыяо.

Проследив за ним полмесяца, Сюэ Цюн в конце концов обнаружил, что глубокой ночью в комнате Лу Цзыяо изредка вспыхивает огонь, и этот странный запах сочится сквозь щели в окне.

Он хотел подглядеть, что за чертовщину устраивает Лу Цзыяо, но двери и окна были наглухо закрыты.

Слуга Сюэ Цюна придумал хитрость: проделал небольшое аккуратное отверстие в деревянной оконной раме, а в выдолбленную деревянную пробочку вбил тонкий гвоздик. Подглядывая ночью, достаточно потянуть за нитку, привязанную к гвоздику, вытащить пробочку — и сквозь дырочку видно всё, что делает Лу Цзыяо. Такую уловку трудно заметить.

Позавчера ночью Сюэ Цюн со своим прислугой своими глазами увидели, как Лу Цзыяо сжигает в медном тазу какие-то странные вещи. Они тут же решили, что всё именно так, как говорила мать: Лу Цзыяо занимается черным колдовством! Неудивительно, что старая госпожа так души в нем не чаёт! Он наверняка ее заколдовал!

— Ты точно прячешь что-то нечистое! — испугавшись, что Лу Цзыяо перепрычет улики, Сюэ Цюн громко закричал в сторону двери: — Позовите госпожу! И наложницу Чжоу зовите, да вообще всех, кого сможете! Пусть все увидят, какими темными делами тайно занимается этот мальчишка!

Вскоре пришла вся семья третьей ветви со слугами и плотным кольцом окружила спальню Лу Цзыяо.

— Госпожа, я своими глазами видел, как Лу Цзыяо сжигал в медном тазу кучу жутких вещей, и Сяо Доуцзы тоже видел! — Сюэ Цюн указал на сундук под кроватью. — В том сундуке спрятано еще полно всякой чертовщины!

Занятия колдовством были страшным грехом не только в императорском дворце, но и в знатных домах — за такое заплатишься жизнью.

Лу Цзыяо со спокойным, холодным лицом смотрел на Сюэ Цюна и госпожу Чэнь, не произнося ни слова. Он ждал, осмелятся ли они учинить обыск.

Госпожа Чэнь некоторое время пристально смотрела на Лу Цзыяо, а затем сухо произнесла:

— Да что за чертовщина может быть у ребенка? Лу Цзыяо, открой сундук сам и покажи брату. Он просто переживает, как бы тебя кто на улице не обманул да не навлек беду на всю семью.

Хотя наложница Чжоу не совсем понимала, что происходит, она боялась, что у них действительно есть за что зацепиться, поэтому поспешила вступить за сына:

— Без улик и доказательств с какой стати обыскивать сундук Лу Цзыяо? Разве в доме кто-то сглажен или кто-то заявил, что Лу Цзыяо навел порчу? Или у кого-то пропало имущество и его нашли у Лу Цзыяо? Он — сын господина Сюэ! А вы при таком скоплении народа рыщете в его личных вещах, не оставляя мальчику ни капли уважения! Если уж устраивать разборки, то пойдемте к старой госпоже! Пусть весь дом соберется и смотрит, как вы роетесь в его вещах!

Госпожа Чэнь помрачнела и холодно ответила:

— Думаешь, если прикроешься старой госпожой, я не осмелюсь провести обыск? — Она строго повернулась к Сюэ Цюну: — Ты действительно видел, как твой младший брат прятал какую-то чертовщину?

Сюэ Цюн поклялся:

— Своими глазами видел!

— Хорошо, — госпожа Чэнь повернулась к служанке и велела: — Позови старую госпожу. Пусть смотрит за обыском вместе с нами. Если в сундуке не окажется ничего подозрительного, мы со Сюэ Цюном примем наказание розгами по закону дома!

Служанка собралась идти, но испуганная наложница Чжоу перегородила ей дорогу, пытаясь взять вину на себя:

— В том сундуке в основном то, что я сама дала Лу Цзыяо, да кое-какие вещицы из нашей родной деревни...

— Замолчи! — видя её испуг, госпожа Чэнь лишь укрепилась в мысли, что в сундуке кроется нечистое, и тут же велела служанке немедленно привести старую госпожу. Сегодня она разоблачит темные козни этой дрянной матери и ее сына!

— Госпожа! — у наложницы Чжоу от страха подкосились ноги.

— Пусть идет, пусть приведет старую госпожу, — Лу Цзыяо по-прежнему сохранял бесстрастное выражение лица, но, увидав слезы в глазах наложницы Чжоу, смягчился и тихо шепнул ей: — Не бойся, всё в порядке.

В итоге старую госпожу, слушавшую представление оперы, вызвали в боковой двор. Выслушав суть дела, старая госпожа первым делом осыпала госпожу Чэнь бранью за то, что та устраивает ссоры и возводит напраслину.

Госпожа Чэнь выслушала упреки, но не отступила, заявив, что в последнее время во дворе творится много странного, из комнаты Лу Цзыяо то и дело доносится запах гари, люди в тревоге, так что пусть она и проявляет неуважение к старой госпоже, но хочет лишь вернуть покой. Если же она оклеветала Лу Цзыяо, то готова вместе с сыном принять наказание по закону дома.

На самом деле старая госпожа не хотела обыскивать вещи Лу Цзыяо: в таких делах ни у кого нет уверенности, и каждый опасался, как бы в сундуке действительно не оказался какой-нибудь ужас.

Но Лу Цзыяо молча подошел к кровати, наклонился, вытащил деревянный сундук и открыл его на глазах у всех.

Сундук размером с два квадратных чи был почти пуст. Лишь в правом верхнем углу аккуратно лежали несколько изящных серебряных слитков, поверх векселя покоились несколько тряпичных куколок, а рядом — резные деревянные игрушки, и больше ничего. Всё было очевидно: никакой чертовщины.

Лу Цзыяо доставал вещи одну за другой:

— Я служу компаньоном у седьмого принца. Он еще мал и обожает подобные безделушки, так что я приготовил их для него: надоест одна — меняет на другую. Эти два серебряных слитка старая госпожа пожаловала мне несколько дней назад. А этот вексель си-фэй подарила мне давным-давно. Я ходил с ним в лавку сладостей, но хозяин сказал, что у него нет сдачи, и посоветовал разменять его на мелкое серебро. Мне было лень идти меняться, вот он и пролежал без дела.

Госпожа Чэнь побледнела. Ее глаза бегали по кучке игрушек, а потом она вновь неверующе уставилась в сундук, мечтая разнести его на куски и проверить, нет ли там тайного отделения.

Сюэ Цюн же еще не осознал своей вины в клевете на брата. Вглядевшись в вексель, он ахнул от указанной суммы в пятьдесят лянов!

— Пятьдесят лянов! Откуда у тебя пятьдесят лянов серебром?! Я столько лет подле первого принца, но ни разу не получал награды больше пяти цзяней, с чего бы си-фэй одаривать тебя такой суммой?!

Лу Цзыяо неторопливо поднял взгляд на Сюэ Цюна:

— Сегодня я сопровождал седьмого принца в Зал Воспитания Разума на аудиенцию к Императору. Что-то я не заметил тебя рядом с первым принцем.

— Ерунда! — вспыхнул Сюэ Цюн. — Разве можно сравнивать твоего трехлетнего хозяина с нашим первым принцем?! В кабинете я растираю тушь и подаю бумагу его высочеству, но мои познания еще слишком слабы, чтобы сопровождать первого принца на аудиенциях!

Не успел Лу Цзыяо ответить, как госпожа Чэнь отвесила Сюэ Цюну звонкую оплеуху по губам, не давая ему болтать лишнего.

Слова Сюэ Цюна очевидно оскорбляли седьмого принца, а задеть седьмого принца — значит задеть си-фэй. Си-фэй же была самой любимой наложницей Императора. Шепнет пару слов Императору на ухо — и господину Сюэ конец на всю жизнь!

Лу Цзыяо слегка улыбнулся:

— Почему же братец не может сопровождать и прислуживать? Седьмой принц ни на шаг не отпускает меня от себя, и си-фэй относится ко мне с искренней добротой — от многих наград я даже отказался.

Сюэ Цюн ненадолго забыл о насмешке: от зависти к пятидесяти лянам серебра он совсем потерял голову и даже забыл о присутствии старой госпожи, по-хамски заявив:

— Раз уж хозяева пожаловали серебро, почему ты не проявил сыновнее почтение к господину Сюэ и госпоже? Зачем прятать такие деньги у себя? Да я даже полцянна серебром сразу отдаю господину Сюэ и госпоже!

— Смех да и только! — вмешалась старая госпожа, не выдержав. — С какой стати Лу Цзыяо должен отдавать кому-то свои награды? В сундуке лежат и мои подарки. Может, вы и их привыкли себе присваивать?

Сюэ Цюн опешил от страха, быстро опустил голову и не смел вымолвить ни слова.

Госпожа Чэнь только собралась оправдаться, как стоящая рядом наложница Чжоу добила её:

— Награды старой госпожи Лу Цзыяо бережет как зеницу ока. А вот Сюэ Цюн только и делает, что забирает себе лакомства, которые вы присылаете в наш двор.

Старая госпожа при этих словах гневно сверкнула глазами, а лицо госпожи Чэнь мгновенно стало смертельно бледным.

Пришло время свести и старые, и новые счета — и за клевету на Лу Цзыяо, и за присвоение подарков.

<http://bllate.org/book/18379/1766849>